

КРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

"Курьер", 1903 г., No 296

Новый рассказ А. Чехова "Невеста", появившийся на страницах декабрьской книжки "Журнала для всех", - несомненно, должен встретить особенно восторженный прием в лагере безусловных поклонников и панегириков талантливого писателя. Эти поклонники и панегиристы за последнее время усиленно подчеркивают тезис о совершающемся повороте в мировоззрении автора "Дяди Вани" и "Трех сестер". А. Чехов, по их словам, постепенно отрешается от своего пессимизма, проникаясь бодрыми настроениями. А на рассказ "Невеста" названные панегиристы могут сослаться, именно, как на самый яркий документ, свидетельствующий в пользу защищаемого ими тезиса.

Действительно, впервые г. Чехов выводит перед читателями "положительный" тип. Героиня рассказа не только разрывает путы, связывавшие ее с "мещанским царством" - что случалось и с персонажами некоторых из прежних произведений А. Чехова, - но и не обнаруживает, после того как путы были порваны, черт внутренней раздвоенности и внутреннего банкротства. Покинув "отчий дом", и как раз накануне грозившего ей полного закрепощения на лоне мещанского благополучия, новая чеховская героиня, "невеста Надя", идет навстречу "громадному, широкому будущему", исполненная самых жизнерадостных настроений и светлых надежд. В заключительных сценах рассказа автор заставляет ее показаться перед читателями уже сделавшей несколько шагов по "новому пути". На короткое время она возвращается из столицы, куда уехала учиться, "на родину". Сцены приезда на родину продиктованы автору его художественными целями; нужны ему для вящей обрисовки контраста между двумя половинами биографии героини, между "старыми" и "новыми" элементами ее мирозерцания. Героиня вторично оставляет "родное гнездо"; "впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее".

"Она пошла к себе... укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город, - как полагая, навсегда".

Таким мажорным аккордом завершается рассказ. И в этом аккорде его главный интерес. Этот финал, говорящий о "живой" жизни, зовущий к ней, звучит, действительно, как нечто "новое" в устах г. Чехова.

Но... мы не имеем ни малейшего права преувеличивать ценность этого финала. Говоря о повороте в творчестве г. Чехова, надо быть очень осторожным.

В наши дни, когда в пределах "эмпирической действительности" не должны находить себе место малодушие и уныние, когда жизнь нарастает и развивается с прогрессирующей быстротой, когда разворачивается заманчивая даль будущего, - в наши дни "гимны жизни" слышатся всюду. Самые различные общественные слои и группы одушевляются бодрыми настроениями. Каждая несет свою лепту на алтарь общих задач, выдвинутых историческим моментом... При всем том, однако, лепта каждой подлежит соответствующей критической оценке, а не должна приниматься, как абсолютное "благо". Мы не должны ни на минуту забывать, с кем имеем дело, упускать из виду ни малейших черт социальной физиономии тех, чьи интересы временно и в известном отношении совпадают с нашими... Сказанное относится и к "новым мотивам" творчества г. Чехова.

Великие эпохи не проходят бесследно для пессимистически настроенного автора "Дяди Вани" и "Трех сестер". А. Чехов чувствует биение "пульса времени" и старается своими произведениями ответить общему тону, начинающему доминировать в "реальной" жизни. Но процесс "нарастания" жизни воспринимается им, как "идеологом" общественной группы, не стоящей на "большой дороге" истории, под своеобразным углом зрения: этот процесс, в его глазах носит характер чего-то стихийного, фатальным образом развивающегося, помимо какого бы то ни было воздействия и вмешательства со стороны человеческих существ.

Общество находится в преддверии новой эпохи, близится нечто такое, что "скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку; а через сто - двести лет наступит, может быть царство всечеловеческого счастья: вот в каких формулах А. Чехов[1] определяет свой взгляд на "рост жизни", суммирует впечатления, навеянные ему откликами происходящего на исторической авансцене. Ничего определенного, ясно сказанного!

[1] - Устами героев "Трех сестер". - Прим. В. Шулятикова.